

Евгений Бернацкий

0

Евгений Бернацкий

0

«Автор»

2026

Бернацкий Е.

0 / Е. Бернацкий — «Автор», 2026

«0» - метафизический хоррор о коллективном сознании, цене целостности и ошибке, которая может стоить человечеству будущего. В этой книге найдутся ответы на вопросы, которые каждый из нас хоть раз задавал себе в тишине. Почему мы так часто чувствуем несостыковки в реальности — ложные воспоминания, исторические аномалии, артефакты, которым не место в своей эпохе? Почему гибель человечества всегда рядом — астероиды, войны, вирусы, катаклизмы, - но всякий раз неясным, почти мистическим образом ужас исчезновения минует нас?

© Бернацкий Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ I. ЭХО МЁРТВОГО МИРА	5
Глава 1. Сон, которому тридцать лет	6
Глава 2. Архивариус	8
Глава 3. Тревожные сводки	10
Глава 4.	11
Глава 5.	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

0

ЧАСТЬ I. ЭХО МЁРТВОГО МИРА

Глава 1. Сон, которому тридцать лет

Ему всегда снилось одно и то же.

Солнечный день. Парк в центре Москвы — старые липы, запах нагретой листвы, голоса матерей и смех детей. Он сидит на корточках и возит палочкой по гравии, вычерчивая какие-то фигуры. Палочка сломана пополам, в кармане лежит стеклянный шарик, подаренный дедом. Мир наполнен покоем и светом.

А потом приходит тишина.

Она не похожа на обычную тишину — это абсолютный вакуум, в котором исчезают все звуки разом. Птицы замолкают на полуноте. Голоса обрываются, будто кто-то выключил радио. Даже ветер перестаёт шуршать листьями. Мальчик поднимает голову.

На горизонте, над крышами домов, разгорается свет. Поначалу он кажется просто ярким, но с каждым мгновением становится всё нестерпимее, белее, плотнее. Свет пожирает небо. Он катится к парку быстрее, чем можно осознать.

Взрослые вокруг начинают оборачиваться. Кто-то вскрикивает, но крик обрывается раньше, чем достигает ушей. Мальчик видит, как силуэты людей — матерей, стариков, детей — на долю секунды становятся абсолютно чёрными на фоне белого сияния, а потом осыпаются прахом, как бумага, брошенная в костёр. Он хочет закричать, но не может. Хочет бежать, но ноги не слушаются. Жар приближается, невыносимый, и кожа начинает дымиться...

Алексей открыл глаза.

В груди колотилось сердце — быстро, тяжело, словно пыталось вырваться наружу. Простыня промокла насквозь, подушка хоть выжимай. Он сел на кровати и несколько секунд просто дышал, глядя в серый прямоугольник окна. За стеклом занималось тусклое октябрьское утро.

Тридцать лет. Тридцать лет ему снился один и тот же сон. С вариациями, с деталями, которые то проявлялись ярче, то уходили в тень, — но суть оставалась неизменной: парк, вспышка, смерть.

В детстве он кричал по ночам. Мать вбегала в комнату, трясла за плечи, вызывала врачей. Те разводили руками: здоровый ребёнок, просто кошмары, возрастное. Прописывали микстуры, тёплое молоко на ночь, прогулки перед сном. Ничего не помогало. Со временем он привык — не к сну, а к пробуждению после него. Научился просыпаться молча, без крика, и лежать, глядя в потолок, пока сердце не успокоится.

Алексей спустил ноги на пол. Холодный ламинат немного отрезвлял. Он потянулся к тумбочке, нащупал пачку сигарет, но вспомнил, что бросил три года назад. Вместо этого взял стакан с водой, выпил залпом.

Квартира у него была маленькая, однокомнатная, в старом доме на окраине Москвы. Мебели — минимум. Кровать, стол, стеллажи с книгами. Но главное, что бросалось в глаза любому, кто заходил впервые, — стены. Они были увешаны фотографиями, вырезками, схемами, досками с припиленными заметками. Алексей коллекционировал странности.

Вот фотография Антикитерского механизма — бронзового устройства, поднятого со дна моря, которое по всем официальным данным не могло существовать в античности. Вот распечатка про «микросхему» из каменного угля, найденную в породе возрастом 300 миллионов лет. Вот подборка сообщений об эффекте Манделы: люди со всего мира помнят одно, а реальность утверждает другое. «Нельсон Мандела умер в тюрьме в 80-х». «В логотипе Фольксвагена была сплошная линия, а не разрыв». «У монополиста был монокль». Сотни, тысячи сообщений — и ведь не сумасшедшие, а обычные люди, у которых вдруг ломалась память о прошлом.

Он подошёл к доске, висевшей у окна. На ней — фотография раскопок Мохенджо-Даро, древнего города в долине Инда. Скелеты, десятки скелетов, разбросанные по улицам. Они не

прятались, не бежали — они просто упали замертво одновременно, без следов насилия, без болезней. Учёные спорили десятилетиями: что могло убить целый город мгновенно? Радиация? Удар молнии? Тектоническое оружие богов? Алексей помнил, как впервые наткнулся на это фото в архиве музея. Что-то тогда ёкнуло внутри — не профессиональный интерес, а глухое, тошнотворное чувство узнавания. Будто он видел это раньше.

Он потёр переносицу. Пора было собираться на работу.

В ванной он долго плескал в лицо холодной водой, потом стоял, опершись на раковину, и смотрел в зеркало. Оттуда на него глядел мужчина тридцати лет — худощавый, с тёмными кругами под глазами, с ранней проседью на висках. Лицо как лицо, ничего примечательного. Но было в нём что-то... чужое. Иногда Алексею казалось, что он смотрит не на себя, а на кого-то, кто просто занял его место. Это чувство «инаковости» приходило волнами — то почти незаметное, то острое, как лезвие. Сегодня оно было сильным.

Он оделся в свою обычную блеклую рубашку, накинул куртку и вышел из квартиры. Проходя мимо доски с артефактами, на секунду задержался у фотографии Мохенджо-Даро. Скелеты лежали, раскинув руки, словно марионетки, у которых разом обрезали нити.

— Как обычно, — пробормотал он себе под нос и захлопнул дверь.

Глава 2. Архивариус

Государственный исторический музей встречал его привычным запахом — смесью старой бумаги, пыли и формальдегида. Алексей работал здесь уже восемь лет, с тех пор как закончил истфак. Сперва был младшим научным сотрудником, потом перебрался в архив — и застрял. Ему нравилось. Тишина, стеллажи, уходящие под потолок, бесконечные папки и коробки с материалами, до которых никому нет дела.

Он спустился в подвал, кивнул охраннику и открыл тяжёлую металлическую дверь в свой кабинет. Маленькая комната без окон, заставленная стеллажами. Единственный источник света — настольная лампа и монитор компьютера. Алексей включил чайник, повесил куртку на спинку стула и сел за стол.

Сегодня ему предстояло каталогизировать очередную партию артефактов из запасников. Он открыл первую коробку. Каменный уголь с вкраплением, похожим на микросхему, — он знал этот образец, но по протоколу нужно было сделать новые фотографии и обновить запись в базе.

Он достал образец, повертел в руках. Чёрный кусок породы, внутри которого поблескивала металлическая спираль — идеально ровная, с контактами. Официальная версия гласила, что это всего лишь природное образование, кристаллизация минералов. Алексей не верил. Он слишком хорошо знал, как выглядят настоящие артефакты, не вписывающиеся ни в одну эпоху. В музее их было больше, чем принято считать. Просто о них не говорили.

Закончив с образцом, он переключился на компьютер. В углу монитора всегда был открыт форум «Ложная память» — место, где собирались такие же, как он, одержимые несоотыковками реальности. Сегодня там было особенно оживлённо. Заголовки мелькали один за другим: «Кто помнит, что Мандела умер в 80-х?», «Географические аномалии: Новая Зеландия изменила положение?», «Фруктовые петли исчезли?». Алексей пролистывал сообщения, изредка пометчая заслуживающие внимания.

В обед он поднялся в музейное кафе. Народу было немного — несколько посетителей с детьми, пара студентов. Он взял чай и сел за свой обычный столик в углу. Через минуту к нему подседа Анна.

— Привет, отшельник.

— Привет.

Она была в белом халате поверх джинсов — прибежала из лаборатории. Волосы собраны в небрежный пучок, на носу — след от очков. Анна работала биофизиком в институте через дорогу и забегала в музей на обед, когда позволяло расписание. Они встречались уже три года, но жили раздельно — она в своей квартире, он в своей берлоге. Так было удобнее обоим.

— Ты опять не спал? — спросила она, глядя в его лицо.

— Спал.

— Врёшь.

— Немного.

Анна вздохнула, но развивать тему не стала. Она давно привыкла к его кошмарам, хотя и переживала. Время от времени предлагала сходить к специалисту, Алексей отмахивался. Он знал, что никакой специалист не поможет. Его сны были не просто снами.

— У меня новости, — сказала она, понизив голос. — Сегодня будет срочный брифинг. По солнечной активности.

— Солнечной?

— Да. Данные с обсерваторий за последние сутки... странные. Очень. Наш отдел перевели в режим повышенной готовности.

Алексей нахмурился. Анна была не из тех, кто паникует по пустякам.

— Что именно странного?

— Я пока сама не понимаю. Но говорят, вспышка карингтонского типа. Только мощнее. Намного мощнее.

Он знал, что такое Карингтонское событие — геомагнитная буря 1859 года, выведшая из строя телеграфные системы по всему миру. Тогда человечеству повезло: технологии были примитивны. Сейчас такая вспышка оставила бы планету без электричества на годы. А если она мощнее...

— Справимся, — сказал он без уверенности.

Анна взяла его за руку. Прикосновение было тёплым, живым, и на секунду Алексею стало легче. Она была его единственным якорем в этом мире — единственным человеком, с которым его странности отступали.

— Ты главное спи, ладно? — попросила она. — А то скоро сам будешь как экспонат в своём архиве.

Он улыбнулся краем губ. Анна поцеловала его в щёку и убежала обратно в лабораторию.

Вечером, уже дома, Алексей включил телевизор. Новости шли сплошным потоком, но о солнечной активности молчали. Только короткое сообщение бегущей строкой: «Учёные зафиксировали аномальную протонную активность на Солнце, угрозы для населения нет». «Нет угрозы», — мысленно повторил он. Если бы угрозы не было, Анна бы не говорила о «режиме повышенной готовности».

Он выключил телевизор и пошёл на кухню. Налил воды, выпил. И тут краем глаза заметил что-то в отражении тёмного экрана. Маленькая фигура. Стоит неподвижно в углу комнаты.

Алексей резко обернулся.

Никого.

Он долго стоял, глядя в пустой угол. Сердце колотилось. Потом он выдохнул, помотал головой и отправился в спальню. Сон пришёл быстро, и это был тот же самый сон — парк, свет, пепел. Только теперь среди силуэтов, осыпающихся прахом, стоял ещё один мальчик. Он не рассыпался. Он стоял и смотрел прямо на Алексея. И лицо его было неразличимо, но он знал, что это лицо — его собственное.

Глава 3. Тревожные сводки

Следующие несколько дней прошли под знаком нарастающего напряжения. Мир внешне казался спокойным — улицы, работа, метро, — но внутри что-то зрело. По телевизору стали чаще говорить о солнечной активности, всё ещё успокаивающе, но в голосах дикторов появились новые нотки. Учёные давали комментарии, тщательно подбирая слова, избегая точных цифр.

Анна приходила домой поздно, уставшая, и почти ничего не рассказывала. Но однажды вечером не выдержала.

— Лёш, всё серьёзно, — сказала она, сидя на его диване и обхватив колени руками. — Мы зафиксировали аномальный рост протонной активности. Если экстраполировать данные... В общем, они готовят обращение.

— Какое обращение?

— К народу. Не знаю когда. Но скрывать долго не смогут. Там цифры такие, что...

Она замолчала.

— Какие цифры? — настаивал он.

— Вспышка, которая может стерилизовать атмосферу. Не просто блэкаут. Полное уничтожение биосферы.

Алексей молчал. В голове стучало: «полное уничтожение биосферы». Это звучало так чудовищно, так нереально, что сознание отказывалось принимать. Но Анна никогда не преувеличивала.

— Сроки?

— Месяцы. Может, недели. Специалисты спорят.

— И что делать?

— Ничего. — Она пожала плечами. — Никто не знает. Бункеры не помогут. Эвакуировать всех невозможно. Если это правда — нам конец.

Она произнесла это так просто, что Алексею стало страшно. Не от факта, а от её тона. Анна, самый жизнерадостный человек из всех, кого он знал, говорила о конце света как о чём-то неизбежном и принятом.

В ту ночь он снова видел сон. Он стал ярче, детальнее. Мальчик-Призрак стоял ближе, чем раньше. Алексей мог разглядеть его одежду — оплавленную, обгоревшую, прилипшую к коже. Мог разглядеть руки — маленькие, детские, с чёрными ногтями. Мальчик не двигался, только смотрел, и в этом взгляде не было ни злобы, ни мольбы. Только внимание. Неумолимое, как у инспектора.

Алексей проснулся и понял, что стоит посреди комнаты. Он не помнил, как встал. Ноги привели его к доске с фотографиями, и теперь он смотрел на снимок раскопок Мохенджо-Даро, на скелеты, умершие мгновенно. Почему-то ему казалось, что между его сном и этими мёртвыми городами есть связь. Не просто научная гипотеза — личная связь.

Он потянулся к ноутбуку и до рассвета просидел на форумах, выискивая похожие случаи. Оказалось, он не один. Несколько пользователей описывали «тени», которые появлялись перед катастрофами. Один рассказывал, что видел «мальчика с обожжённым лицом» за день до того, как его дом сгорел. Другой — что перед цунами 2004 года его преследовала «фигура, стоящая неподвижно в толпе». Все эти сообщения тонули в троллинге и насмешках, но Алексей читал их с холодком вдоль позвоночника.

Что-то приближалось. Не только вспышка. Что-то ещё.

Глава 4.

Мальчик на периферии

Он начал видеть его наяву.

Первый раз это случилось в метро. Утренний час пик, вагон, набитый людьми. Алексей стоял, держась за поручень, и смотрел в тёмное окно. Поезд мчался в туннеле, стекло отражало лица пассажиров. Сначала он не заметил ничего необычного — просто люди, усталые, сонные. А потом он увидел. В дальнем конце вагона, за колонной, стоял мальчик. Он не держался за поручень, хотя поезд покачивало. Стоял абсолютно неподвижно, и его одежда была странной — будто оплавленной.

Алексей моргнул и обернулся. Никакого мальчика. Только мужчина с портфелем и женщина с коляской.

Он списал на недосып. Но через день мальчик появился снова — на этот раз в витрине магазина. Алексей шёл по улице, мельком глянул на стекло и увидел его отражение. Маленькая фигура стояла прямо за его плечом. Он крутанулся на месте — позади никого.

Потом — в музее. В зеркале архива. В тёмном экране телевизора. Мальчик приходил не каждый день, но регулярно, и с каждым разом его присутствие становилось более отчётливым. Алексей уже мог различить детали: выгоревшая курточка с оплавленными пуговицами, детские ботинки с обугленными носами, руки, на которых кожа была не розовой, а серой, как застывший пепел. Лицо оставалось неразличимым — всегда в тени или размыто, — но остальное проступало всё яснее.

И главное — мальчик не делал ничего. Просто стоял и смотрел. Это пугало сильнее, чем если бы он нападал или угрожал. В его неподвижности было что-то потустороннее, нечеловеческое. Так смотрит камера наблюдения. Так смотрит диагноз, написанный в медицинской карте.

Алексей пытался рационализировать. Недосып. Стресс. Новости о солнечной вспышке. Массовая истерия. Но объяснения рассыпались, едва он замечал очередной обугленный след на полу или странный запах палёного, который появлялся без источника.

Однажды он не выдержал и рассказал Анне. Они сидели на кухне, пили чай. Он говорил осторожно, подбирая слова, стараясь не звучать как сумасшедший.

— Я вижу кое-что. Не только во сне.

— Что именно? — она подняла бровь.

— Мальчика. Везде. На периферии. Просто стоит и смотрит.

Анна помолчала.

— Ты уверен, что это не стресс? Ты почти не спишь, новости ужасные...

— Я знаю, как это звучит.

— Лёш, я просто беспокоюсь. Может, тебе правда к кому-то обратиться? Просто поговорить.

— С кем? С психиатром? — он усмехнулся. — Чтобы меня посадили на таблетки, и я перестал видеть? Это не решит проблему.

— Какую проблему?

— Я не знаю пока. Но это не галлюцинация, Анна. Это что-то реальное. Я чувствую.

Она не стала спорить. Просто взяла его за руку, как всегда, и прижалась щекой к плечу. Её тепло немного успокаивало, но ненадолго. Когда Анна уснула, Алексей ещё долго сидел без сна, глядя в угол комнаты, где, он знал, стоит мальчик. Там было пусто, но ощущение присутствия не исчезало.

Глава 5.

Папка с пометкой «Мандела»

На следующий день после разговора с Анной Алексей снова спустился в подвал. Вчерашний страх не прошёл, но теперь он ощущал нечто новое — мрачную решимость. Он должен был узнать, откуда берётся мальчик, преследующий его, и почему собственное лицо кажется ему чужим.

Работа в архиве всегда его успокаивала, но сегодня привычный порядок вещей трещал по швам. Начальник отдела хранилищ, пожилой Семён Аркадьевич, встретил его у лифта с озабоченным видом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.